

ПОСЕЙДОНОВА ПРОЗА**Александр Воронин****ЗЕЛЕНАЯ БУТЫЛКА**

1.

Загадочное Саргассово море до сих пор привлекает разного рода исследователей и путешественников. К этому последнему вымирающему виду гомо сапиенс принадлежали я и мой друг Ормонд Натаниэль Эгип. Было ли это его настоящее имя и был ли я его другом, кто теперь узнает – да есть ли в этом такая уж острая необходимость объяснять всем диковинную связь двух совершенно разных людей: Эгипа любителя парадоксов, древней истории и меня, немножко поэта, немножко романтика, фантазера и мечтателя. Мы были последними, как любил говаривать Эгип, а для меня просто Эпи, кто остался коротать свой никчемный век в жестоком техногенном мире, который еще не успел коснуться нас металлическими щупальцами.

Под стать нам и нашему мироощущению было Саргассово море, не меняющееся на протяжении многих тысячелетий, с обширным и буйным многообразием. Где-то здесь на 42 градуса западной долготы, спутники Колумба столкнулись с громадными скоплениями водяных растений, что так напугало команду «Санта-Марии». Два таких района в Атлантике обнаружил еще Гумбольдт: один к западу от Азорской группы, между 25 и 36 градусами северной широты, а второй к западу от меридиана Багамских островов, на пути от островов Кайкос к Бермудам. Видимо, первого скопления достигли финикийские моряки, подгоняемые восточным ветром, они за тридцать дней плавания попали в Большое Травяное море. Остановившийся, заросший Океан, похожий на безбрежные заливные луга вселил в их сердца животный, сверхъестественный страх. Так и не дойдя до крайних пределов, отважные мореходы повернули назад, боясь очутиться в смертельной ловушке, откуда нет выхода. Арабы не дерзнули пойти дальше Застывшего Моря, а те кто, все-таки, вырвался из его объятий и добрался до ближайшей земли, нарекли эти воды страшным зловещим именем – Неизмеримое Мрачное Море и на вечные времена наложили запрет на последующие плавания в западной части Атлантического океана. Другие же сообщали, что еще до потопа в том самом месте находилась легендарная Атлантида, первый рай на Земле, Блаженные Острова, ушедшие на дно по причине божьей кары.

Мы возвращались с небольшого странного островка Сэлливан близ Чарлстона. Путь наш лежал в Европу через Саргассово море. Эгип хотел обнаружить и зарисовать гигантские фукусы Форстера или Vaudreux Фолклендских островов, достигающих 240 метров по утверждению того же Гумбольдта.

В тот день стоял полный штиль, и яхта замерла над лазурной бездной. Я лениво размышлял о суетности земной жизни, вглядываясь в воду, сплошь покрытую морскими растениями. Бурые водоросли собирались на некотором расстоянии друг от друга в отдельные кучки, затем образовывали широкие островки или длинные ленты. Наиболее крупные фукусы достигали десяти метров, и напоминали мне сильно разветвленные кусты с большими толстыми стеблями.

Обозреваемое мною огромное водное пространство колыхалось на могучей океанской груди, похожее на единый, нигде не виданный ранее организм. Расползающиеся в разные стороны пропитанные солью и солнцем, водоросли порой составляли на поверхности воды рисунок, похожий на сетку из вен и артерий. Медленно, неуклонно они разлагались, растворяясь в тяжелом насыщенном растворе, образуя бурую слизь, похожую на кровь. Словно разметалась разорванная человеческая плоть по волнам, взывая к мщению и искуплению одновременно. Сколько старинных кораблей, разбитых, искалеченных, потрепанных бурей, было затянута в коварные зеленые острова, где без компаса и других инструментов, оторванные от двух противоположащих материков, втянутые в гигантское круговое движение, состоящее из четырех течений, кусающих друг друга за хвост, они нашли свое последнее пристанище, будто между небом и землей, раем и адом, в морском чистилище – в постоянно изменяющейся, колыхающейся водной стихии. Своеобразный круговорот коварных течений, сильные ветры, бури и штормы, а также роковое стечение обстоятельств завлекают в ловушку Вечности уже навсегда! Какое страшное и неумолимое слово – навсегда! Неужели нет такой силы, чтобы вырваться из этого плена? А сколько загубленных, невинных душ сгнуло под тяжкими, непроницаемыми пластами! Казалось, океан пропитался истерзанным человеческим духом, извивающаяся плоть которого плавала у меня перед глазами. Я почувствовал себя одиноким и заброшенным словно в иной мир, полный печали и горести, имеющий странноватые, смешанные цвета зеленого, голубого и красного. Может быть, это все от неровных отблесков заката, а может быть, вокруг нас разлилась жертвенная кровь величайшего грешника на земле, взывает она ко мне, протягивая руки-водоросли, чтобы утянуть на самое дно, успокоить, наконец, свою мятушуюся душу.

- Мрачная красота! – хмуро сказал Эгип, глядя в сторону водорослей, – так и хочется броситься в их объятья. Точно жилище Левиафана. И вправду сказано: «он кипит пучину, как котел, и море претворяет в кипящую мазь, он царь над всеми сынами гордости».

- Не сейчас вспоминать Иова, – отозвался я, как бы невзначай, успокаивая себя и друга, – кругом такая тишина, смотри, как покойно, ласково море, не ты ли сам стремишься попасть именно в такое вот место, чтобы уйти, убежать из многолюдного города.

- Да, ты прав, мой друг, я как никогда ранее рвался в этот пустынный край, но что-то меня сейчас беспокоит, – он стал внимательно смотреть вдаль.

- Что там? – с опаской спросил я.

- Ветер, долгожданный Западный Ветер, – настороженно произнес Эгип, – приподнялся-таки со своего трона, видишь, гонит перед собой черную тучку прямо на нас. Разрази меня гром, этот деспот накличет беду!

В мгновение ока небо потемнело, волны с яростным упорством били о борт яхты, она сотрясалась от ударов, как хрупкая женщина, попавшая в лапы монстра. Дождь хлестал по лицу, по наспех накинутым брезентовым плащам. Через несколько минут райское безмолвие сменилось ужасающим воем Западного владыки. Я смотрел ему прямо в глаза, в которых сквозила черная, зияющая пустота и мрак. Лицо Эгипа стало белым на фоне надвигающейся темноты. Следующая волна сбила меня с ног, я покотился по палубе, как бильярдный шар, но к счастью успел ухватиться рукой за обрывок линя. Я вцепился в него обеими руками, до боли сжав онемевшие пальцы. В ушах стоял сплошной гул, он все нарастал и нарастал. Мне чудилось, что ушные раковины наливаются горячей кровью, и вот-вот прорвется нежная, тонкая преграда, отделяющий мир звуков от полного молчания. Я посмотрел в сторону Саргассова моря и оцепенел от страха. Оно превратилось в огромную бесформенную массу, напоминая неведомое океанское чудовище. Его тело двигалось, сотрясалось, вздымалось на невероятную высоту, затем вдруг проваливалось в бездонную пропасть. Верхняя часть поднимающейся волны-

туловища, вследствие каких-то, почти сверхъестественных сил, стала на моих глазах превращаться в странную голову Горгоны Медузы, только вместо змей у нее извивались в бешеном танце водоросли! Они подпрыгивали, как живые, скручивались, сцеплялись между собой будто в смертельной схватке, затем вновь разрывали сковавшие их путы, и изгибаясь самым причудливым образом, с молниеносной быстротой скользили с гребня высокой волны в увлекающую их черную пучину.

Ужасно было видеть, как неуправляемая яхта стремительно неслась в пасть грозной старухи. Водоросли покрыли своими холодными телами всю палубу, они обвили дрожащее от страха тело, словно морские гады обмотали шею, пытаясь задушить меня, сломить мою волю, разжать одеревеневшие пальцы. Я смотрел в глаза Смерти, и Смерть невидящим, но губительным оком вглядывалась в слабое человеческое существо, распластавшееся на парусной скорлупке. Будто все силы ада восстали из мрачных глубин водного Хаоса, принимаясь стегать вздымающуюся, содрогающуюся, искромсанную океанскую кожу огненными плетями-молниями, реветь во всю мощь безобразных звериных глоток.

- Эгип! Эгип! – дико закричал я, – господи, да где же ты?! Мы гибнем...

Толстая водорослевая змея обмоталась вокруг шеи. Я стал задыхаться, последнее, что я услышал, были возгласы моего друга:

- Держись..., – в конце он выкрикнул мое имя, но и оно потонуло в неистовом шуме.

Очнувшись, я с удивлением обнаружил себя в нашей уютной милой и такой безопасной сейчас каюте. Яхту чуть покачивало. На лавке сидел Эгип и с напряженным лицом рассматривал меня.

- Успокойся, все кончено, – наконец сказал он.

- Что кончено? – еле пролепетал я.

- Это был просто-напросто шквал, который пронесся совсем рядом с нами, сейчас он далеко на юге.

- Просто-напросто, – попытался улыбнуться я, – слава богу!

Я был слаб, чтобы говорить с Эгипом, видно он успел затащить меня в каюту и задрать люк.

- Но на этом сюрпризы Саргассова моря не кончились – как-то буднично сообщил мой друг, пристально глядя в глаза. Я вопросительно посмотрел на Эгипа. – Бутылка, море подарило нам вот эту зеленую бутылку.

Я привстал и стал рассматривать предмет, о котором говорил Эпи. Это была любопытная, никогда не виденная мною раньше, бутылка из очень прочного темно-зеленого стекла. Пузатая, с длинным тонким горлышком, она походила на диковинный старинный кувшин из арабских сказок. Стекло покрывало толстый слой сине-зеленых морских микроорганизмов, намертво сросшихся со скользкой поверхностью.

Эгип стал ножом соскребать довольно внушительный, твердый как камень, нарост.

- Эге! – воскликнул он радостно, – да этому сосуду, надо думать, не одна сотня лет.

- Что там? Эгип, что? – спрашивал я в сильном возбуждении, будто и не было смертельной опасности, нависшей над нашими жизнями совсем недавно.

В бутылке виднелся клочок бумаги. Он подмок и прилип к внутренней стороне загадочного сосуда. Мой друг попытался открыть бутылку, но пробка с остатками смолы, почерневшая от времени, пропитанная соленой водой, как влитая сидела в узком горле, не давая возможности проникнуть в тайну. Эгип ножом расковырял деревянную

затычку, высыпал мокрую труху на стол. Я нагнулся над бутылкой и тут же почувствовал незнакомый столетний запах, смешанный с запахом морской соли. Я никак не мог определить его или, по крайней мере, сравнить с каким-нибудь другим, похожим, уже знакомым мне ароматом. Сравнить было не с чем, на мой взгляд, такого запаха в природе просто не существовало. Но как раз, в этот самый момент, когда Эгип с величайшей осторожностью палочкой вытаскивал притаившийся на самом дне таинственный клочок бумаги, я вдруг увидел себя в пустом доме, куда приехал после смерти своих родителей. Большое парадное зеркало, завешанное выцветшей портьерой, накрытые белой материей кожаные кресла, осиротевший отцовский кабинет, одиноко стоящий письменный стол, лежащая на нем раскрытая книга с черно-белой гравюрой, изображающей безбрежно-пустынное море с удаляющимся на горизонте парусом, следы на пыльном полу от перетаскивания тяжелой дубовой мебели, вывезенной безжалостными кредиторами, остановившиеся часы с большим желтым маятником, похожим на ущербную луну. Тогда я сел в кресло и заплакал. Запах, витавший в старинном родовом доме, который я так остро почувствовал в тот момент, был запахом тоски и одиночества, такого пронзительного и глухого, что я не выдержал, убежал прочь, хлопнув дверью. Я точно знал, что больше никогда не переступлю порог родительской усадьбы, в которой ничего не осталось, кроме пустоты и смерти. Продав дом отца, я с Эгипом, таким же отшельником, был заброшен судьбой в застывшее море водорослей, в море без времени, в море вечного покоя и уныния. Тот же дух поднимался спиралевидными кольцами здесь, в каюте. Фимиам забвения и отрешенности повис над двумя странниками, всматривающихся в нацарапанные чьей-то дрожащей рукой буквы.

Из записки стало ясно, что некий Джон Уондор из графства Уиклоу в Ирландии в силу стечения каких-то неизвестных обстоятельств (размыто), много лет (?) не мог пристать к какому-нибудь берегу, затем его корабль (неразборчиво) бурей был занесен в Гнилое море (Саргассово море?), где он в отчаянии умоляет Господа спасти его от измотавшего одиночества и взять, наконец, свой дар назад (размыто). В конце – приписка, Уондор надеется, что человек, обнаруживший эту бутылку, сможет закрыть ему глаза на смертном одре и выполнить, тем самым, какой-то долг (размыто). Бумага была помечена 1666 годом.

- Бог мой! – воскликнул я. – Неужели эта бутылка находилась в океане ровно 300 лет. Невероятно! Но почему все это время ее не замечали с современных судов, пассажирских лайнеров, с прогулочных и гоночных яхт, наконец?

- Думаю, что ее нам подарило именно Саргассово море, – невозмутимо произнес Эгип и как-то странно посмотрел на меня.

- Причина довольно банальна и проста, – сказал я, чтобы успокоить себя и друга, но внутренняя дрожь сотрясала меня отчего-то необъяснимого, противоречащего всяким законам логики и здравого смысла – и оттого казавшегося непонятным и страшным.

- Здесь нет ничего невероятного, – тем временем размышлял вслух Эгип, – бутылка могла долгое время находиться в центре моря, в клубке водорослей, под водой, пока течения, ветер, внезапный шквал определенной силы и направленности не вырвали ее из вечного плена. Это то, что люди называют, мой друг, стечением загадочных обстоятельств, где в некой точке пространства вдруг сходятся вместе время, человек, событие, таящие в себе тайну. Человек может разгадать тайну, но не в силах распутать причинную связь между этими тремя моментами. Это в руках божьих. Удивительно другое, Уондор хочет, чтобы кто-нибудь спас его от одиночества и закрыл бы глаза на смертном одре, но ни слова не говорит о конкретной помощи кораблю или команде. Ирландец не оставляет нашедшим бутылку координат в океане, где их смогли бы обнаружить и спасти, но почти подробно указывает свой точный адрес в Ирландии, т.е. на

суше. Не кажется ли тебе, что все это выглядит несколько странным, а Уондор похож на безумца?

Эгип еще что-то рассказывал, приводил какие-то примеры из древней истории, но мне виделась только одна фраза об одиночестве, безобразно кривая, пульсирующая строчка. Разве Уондор, живший триста лет назад, не страдал также, как и я, как Эгип, как многие другие люди от этой неизлечимой душевной болезни? Я закрыл глаза и только сейчас, в сознании всплыл будто затуманенный образ человека в старинном камзоле, склонившегося над грубо сколоченным столом. Я увидел огарок свечи, неровное мерцающее пламя ежеминутно вздрагивало, отбрасывая пугливые тени в мерно покачивающейся темной каюте. Я попытался рассмотреть лицо писавшего, но не смог. Серая пелена висела между нами, но я все-таки сумел разглядеть огромного попугая, сидящего на спинке кресла, седой локон, выбивающийся из треуголки, крепко сжатые, бескровные белые губы, резко опущенные уголки рта, впалые небритые щеки, дрожащую руку, нервно водившую пером, янтарно-прозрачную каплю, упавшую на клочок бумаги, то ли со свечи, то ли оброненную человеком, я так и не смог разобрать. - Он больше всего на свете боялся одиночества, а не моря – внезапно проговорил я, сам удивившись сказанному.

- Ты мечтатель и поэт, а я историк и мне нужны только факты, хотя бы самые парадоксальные и противоречивые.

- Это истинно, Эпи, именно так же, как я сейчас сижу перед тобой, я клянусь тебе, это истинно, говорю тебе – горячо и взволнованно высказался я.

Он посмотрел на меня долгим, испытывающим взглядом и с доброй улыбкой произнес:

- Тебе, мой милый друг, уже никто и ничто не спасет, ты безнадежно болен прошлым, но настоящего, а уж тем более будущего, для тебя уже не существует и не настанет, увы, никогда, как, впрочем, и для меня. Мы с тобой живем сладостными воспоминаниями, в них и только в них находим отдохновение души, но нельзя сравнивать свои образы прошедшего с образами человека, который умер триста лет назад. Я мог бы, наверное, сейчас, при тебе, восстановить древнюю эпоху до мельчайших подробностей, сказать, например, куда шло это судно и зачем, из кого состоял экипаж и сколько было провианта на борту, какие земли они проходили и что видели на своем пути, но невозможно до конца проследить ход мыслей Уондора в конкретный момент, для этого нужно обладать парапсихологическими способностями.

Я закрыл глаза. Эгип давно не говорю так поэтично и красиво.

- Ты чувствуешь, Эпи, – тихо сказал я, – в нашей каюте поселился медвяный дух забвения, словно выпущенный из бутылки джинн.

- Наверное, ты прав, мой друг, – он всегда называл меня «мой друг» и никак не мог привыкнуть к моему необычному, тоскливому имени, – всей этой истории есть какая-то непостижимая, могущественная тайна, которую нам суждено будет с тобой разгадать. Итак, готовься к отплытию немедленно, ведь нам известен адрес древнего морехода!

- Эгип, так почему же он ждал спасения от одиночества, а не от морской стихии? – Мой вопрос так и повис в воздухе, словно дурманящий запах одиночества, похожий на трепещущие влажные лепестки лотоса, подхваченные стремительно-неудержимым течением безвременья.

Никогда не забуду то унылое, слякотное осеннее утро, когда Эгип, заявившись в грязной и мокрой одежде в гостиничную комнату, растолкал меня, совершенно сонного и радостным голосом провозгласил:

- Я нашел его, нашел!

—Где же, ну, Эпи, говори, наконец! – С этими словами я окончательно проснулся.

Эгип без умолку болтал, пока я одевался. Мы не пробыли в ирландском городке Уиклоу и трех дней, а мой друг уже сумел сыскать таки какого-то мистера Уондора и даже, может быть, дальнего родственника того самого Уондора, который триста лет назад взывал о помощи в водах Саргассова моря!

После того, как мы вернулись в Европу, зеленая бутылка с запиской еще долгое время не выходила у нас из головы, в особенности же – незабываемые обстоятельства, при которых она была обнаружена.

Такси ждало нас у подъезда гостиницы. Мы долго кружили по узеньким мощеным улочкам, пока шофер не указал рукой на старинный обветшалый дом, построенный в стиле XVI века. Он был сложен из серого, выщербленного временем камня, узкие окон-бойницы сурово и молчаливо взирали на нас, как на потенциальных лазутчиков. Строение было обнесено высоким забором. Меня поразили старый заброшенный парк с вековыми дубами, могучими корабельными соснами невероятной высоты. Монотонное завывание ветра, шелест дубравы, печальное покачивание и поскрипывание сосен, похожее на скрип уключин, от всего веяло грустью и дождливой тоской. Я поежился, накрапывал дождь, несколько капель упало на лицо, тут же вспомнились брызги взбешенного моря. Звонка не было, Эгип постучал молоточком в большую кованую дверь. Только через несколько минут раздался дребезжащий старческий голосок:

- Кто там?

- Мы хотели бы поговорить с мистером Уондором!

Молчание длилось слишком долго, затем голосок ответил:

- Мистер Уондор не принимает.

- Передайте мистеру Уондору, что мы прибыли из Саргассова моря, и у нас есть предмет, который его заинтересует.

Эгип нервничал.

И снова – молчание. Но вот массивная дверь открылась. Из широкого холла выглянул седой старичок с седыми бакенбардами, низенький и сухой, одетый в какой старомодный, наверное еще довоенный сюртук. Слегка волнуясь, он, наконец, произнес магические слова:

- Мистер Уондор сейчас вас примет!

Мы шли по длинному затемненному коридору, на стенах вместо электрических светильников висели замысловатые бронзовые лампы со свечами, освещая мерцающим призрачным светом старинные портреты. Из темной глубины полотен в позолоченных рамах на нас смотрели давно умершие люди, одетые по старой европейской моде, но всех их объединял страстный горящий взгляд, устремленный прямо на посетителей. Они будто силились сказать что важное, знаменательное, но никак не могли разомкнуть навсегда закрытые уста! Трепеща всем телом, я увидел просторную овальную комнату совершенно в стиле 16 века, похожую, скорее всего, на знаменитый кабинет Рейша или

собрание редкостей сэра Горация Уолпола. Рядом с роскошной библиотекой теснились шкафы, набитые всяческими диковинками и редкостями, тут же на полу стояли хорошо выделанные чучела, обработанные скелеты тропических зверей, птиц, рыб, многочисленные маски соседствовали с деревянными и каменными статуэтками богов и первопредков, китайские вазы вперемежку с африканской бронзой Бенина, греческие амфоры с южноамериканскими жертвенными блюдами. На стенах развешаны картины, гравюры, ярко разукрашенные портуланы и большая географическая карта Атлантического океана того же века. Только сейчас я с изумлением рассмотрел посреди обширного водного пространства между Южной Америкой и Африкой большой остров с развивающейся внизу лентой, на которой латинскими буквами была сделана надпись: остров Посейдонис. Но более всего меня поразили огромные часы и старик, сидящий напротив нас за письменным столом. Седой, как лунь, он полулежал в глубоком кожаном кресле. На высокой спинке восседал попугай с ярким оперением, он внимательнейшим образом рассматривал вошедших. Где-то я его видел, но где, неужели в своих океанских видениях? Точно такая же тропическая птица сидела на кресле другого человека с седым локоном. Отбрасывая навязчивые мысли, я посмотрел на хозяина кабинета.

Сухое пожелтевшее лицо походило на древний пергамент, только вот какого века? На левой щеке страшный вдавленный шрам, будто жестокий враг острым когтем вырвал кусочек человеческой мякоти. Тонкие губы крепко сжаты, крючковатый нос имел очертание орлиного клюва, а глаза, о, боже, я никогда не забуду его глаза! Как можно забыть взгляд, полный скрытой горечи и тоски! Их цвет напомнил мне лазурную гладь Саргассова моря, когда оно спокойно, плавно катит свои воды в Центральную Атлантику, постепенно смешиваясь там, превращаясь затем где-то на невидимой границе в изумрудную рябь. Потаенная, глубинная печаль слезилась во взоре старика, то ли об ушедших навсегда, но таких блаженных и счастливых временах, то ли о тяжелом, нерадостном настоящем, то ли об эфемерном, безотрадном будущем, кто знает?

Посреди такого причудливого смешения эпох, рас и стилей стояли большие напольные часы, старый голландский корпус которых, удивительным образом изображал стоящего во весь рост человека! Циферблат в виде лица оцетинился стрелками-усами, торчащими из центральной точки-носа. Циферблатное лицо имело три глаза, которые соответствовали цифрам: 11, 12 и 1. Уши состояли из двух парных цифр: 9, 10 и 2, 3, а рот занимал целый ряд: 8, 7, 6, 5 и 4. Позолоченный маятник был сделан в виде сердца, а длинные цепи с гириями походили на ноги. В глаза мастер искусно вставил драгоценные камни, они горели каким-то дьявольским, завораживающим светом. Старик взял бутылку и записку из рук Эгипа, посмотрел на часы, немного послушал, как маятниковое сердце мелодично отбивает положенные ему удары, а уж затем начал тихо говорить. Его рассказ был настолько сказочен и походил на вымысел, что я счел необходимым изложить все это на бумаге по возможности точно и в той последовательности, в которой мы услышали от сидящего напротив загадочного человека.

3.

Джон Уондор родился в 1466 году в своем поместье в Уиклоу, что в Ирландии. Он рано потерял родителей и совсем не помнил их. Его воспитанием и образованием занимался дворецкий Эргимп, хранитель родового гнезда, рьяный блюститель старинных обычаев и ритуалов семьи Уондоров. Из своего детства мальчик помнил только один необычный и таинственный ритуал, совершаемый дворецким один раз в году, а именно, в ночь с 30 июня на 1 июля. Каждый раз маленький баронет со страхом и трепетом в душе ждал наступления колдовской, жутковатой ночи, которая определила всю его последующую странную, скитальческую судьбу. Суть непонятного ему тогда действия заключалась в том,

что дворецкий поздно вечером усаживал Джона в кабинете отца, в глубокое кожаное кресло, затем дожидался, когда человек-часы поднимал усики-стрелки к двенадцати, детское сердечко, при этом, начинало тревожно стучать в такт позолоченного. Ровно в полночь Эргимп выносил откуда-то древнюю рукопись, исписанную незнакомыми буквами, с рисунками, изображающими прекрасно-дивный сад с золотыми плодами и торжественно вручал ему. Под завыванье и свист ветра они выходили на берег моря, где стоял дом Уондоров. Дворецкий нараспев произносил какую-то молитву, совсем не похожую на ту, что читают в церкви, он взывал к неведомым богам, потом окроплял мальчика морской водой, и в полной тишине они возвращались в поместье. Баронет вновь усаживался в кресло вместе с книгой, а Эргимп начинал рассказывать о всех предках юноши, о том, как они из поколения в поколение занимались поисками философского камня, чтобы посредством такого магистерия получить эликсир молодости. Но все попытки предыдущих родственников извлечь чудесную субстанцию всегда заканчивались плачевно: в назначенный срок предки, все как один, отходили в мир иной, чтобы там, может быть, слиться с бессмертными богами и вкусить, наконец, все прелести райской жизни. Многолетние поиски, как правило, кончались неудачами и приступами черной меланхолии. Ничто не помогало: ни золото, накопленное веками еще в период Крестовых походов, растраченное затем в путешествиях и паломничествах, а также пущенное на подкуп сведущих, как им казалось, лиц; ни магические рукописи с колдовскими рецептами и заклинаниями; ни первопечатные книги, описывающие чудесные науки Старого Света; ни связи с влиятельными людьми при дворах многих королей и царственных особ в Европе, любящих поговорить о древности, непрерывности своего рода и в этом видящих личное бессмертие; ни самоотречение, ни затворническая, почти аскетическая жизнь некоторых из родственников, впоследствии скончавшихся от излишнего самоистязания плоти и души, или доведенных такой ужасной жизнью даже до безумия.

Будучи натурой впечатлительной, но страстной и горячей, Джон и сам вскоре загорелся той же болезнью бессмертия, что его почившие предки. Околдованный магией поиска, молодой баронет объездил многие страны Европы, добрался даже до Персии, встречался со многими магами, колдунами, философами, учеными и прочими мошенниками, авантюристами, предлагавшими, как думал он, истинный и настоящий эликсир, омолаживающий мгновенно или через несколько часов, но на деле все составы обладали одним единственным свойством: они вызывали мучительную боль в желудке, рвоту, в лучшем случае, изжогу. Вытянув у молодого господина оставшиеся деньги, последний из таких чародеев бросил его умирать от голода в пыльных Афинах. Уондора подобрал один сердобольный грек, дал приют в своем доме. Узнав, что баронет долгие годы ищет эликсир молодости, он посоветовал ему отправиться в Геную, наняться там на один из кораблей, отплывающих в Атлантику на поиски каких-то чудесных островов. Вспомнил тогда Джон о той рукописи, что всегда носил с собой и дал ее греку. Хозяин дома перевел книгу с древнегреческого языка, и узнал тогда баронет нечто необычное и совсем уж сказочное.

Было время, когда люди жили среди богов, но закончилось оно, как кончается все в этом мире. Человек прогнал последних богов с тысячелетних насиженных мест, повырубал тенистые рощи, где прятались дремлющие дриады, могучие дубравы пустил под корень, стал строить из них дома и храмы, запрудил реки плотинами, пристанями и мельницами, спугнув боязливых наяд и нимф, пробуравил горы глубокими ранами – штольнями, каменоломнями искромсал титаново тело. Бежали боги далеко на Запад, в таинственную Гесперию, в край блаженной тишины и покоя. Посреди Океана спали Острова, окруженные туманами, коварным илистым мелководьем, опутанные сине-зелеными водорослями. Кто пытался достичь их, странные пугающие миражи уводили корабли в безбрежное, нигде не заканчивающееся море. Четыре нимфы Геспериды охраняют там

золотые яблоки вечной молодости. Перебрались туда все боги, вкушают сочные плоды, счастливо проводя время. И называли люди те Острова Блаженными.

Будто пелена какая застлала глаза бедному баронету. Наяву бредил он зачарованными островами, убежден был, что там найдет, наконец, состав, дающий вечную жизнь, называемую бессмертием. Была ли это болезнь, страсть или бесплодная мечта-причуда, кто знает, ибо они могут соседствовать, уживаться вместе, постоянно подталкивая человека к призрачной цели, которую Уондор наметил для себя раз и навсегда. Баронет жил в выдуманном им мире, и этот мир очень часто походил на сон. Юноша словно закрылся в непроницаемой скорлупе, но довольно часто прочные стены жилища сотрясались, содрогались, постоянно напоминая отшельнику, что существует другая, более яркая и живая жизнь, она кипела, бурлила, хлопотала, переливаясь через край.

Таким городом, который потряс его до глубины души, стала итальянская Генуя, город кораблей и матросов, купцов и ремесленников, бывалых путешественников и кабинетных картографов, – шумный, веселый, говорливый порт Адриатики. Почти в каждой таверне всегда находилось два-три человека, увлеченно рассказывающих о всяческих диковинках, чудесах заморских стран: Очнувшись от волшебного летаргического сна, Уондор с ненасытной жадностью слушал причудливые истории, казавшиеся неоконченной сказкой, где простой плотник становился искусным мореходом, а владелец мясной лавки открывал

неведомые земли! Поистине мир сошел с ума, а безумию человеческому нет ни географических, ни иных границ. Мир разрастался, как снежный ком, пух от небылиц; басен, рассказней, слухов, от книг, повывезавших из-под новенького печатного станка, как тараканы из-за печи и распространившихся с молниеносной быстротой во всех крупных городах. В этих книгах печатались отчеты о путешествиях и морских странствиях, докладные записки монархам об открытых землях, дневники, письма, составлялись замысловатые географические карты, от которых воображение еще больше распалось. В то удивительное время люди верили в древние мифы и легенды, совершенно не отдавая себе отчет, где правда, а где вымысел. Не до конца исследованные земли сразу же заносились в портуланы. На стеклянных глобусах картографы давали звучные и красивые названия давно забытым, но вновь открытым странам: Антилия, остров Бразил, Гесперийские или Счастливые острова, читай Канарские, остров Семи Городов. Прибрежный песок этих земель сплошь из золота и серебра, необходимо лишь немного удачи, сноровки, чтобы отделить драгоценные зерна от плевел. На потерянных островах растут молодильные яблоки, дающие долгожданное бессмертие. Спят Чудеса Мира на Гесперидовых островах, не разбуженные с основания вселенной. Но скоро, очень скоро, в такое безумное, лихорадочное, воинственное время падет древнее, сонное заклятие и с острова Чаровницы – Одиссеевой Огигии, не осколок ли это некогда могучей Атлантиды, не его ли нашел какой-то венецианский зазнайка Николо Дзено, назвав Фрисландом? Очутившись в кипучей, энергичной Генуе, Уондор впитывал живительные соки, вкушая от чужих путешествий. Венецианец Николо Конти почти 25 лет странствовал по Индии, Китаю, Зондским островам, датские адмиралы Пининг и Потхорст достигли Гренландии, а их кормчий Скольп вместе с португальским офицером Жуаном Вашу Кортириалом открыли загадочную «Тресковую Землю», которую впоследствии офицер назовет Лабрадором. Более всех в океанских исследованиях превзошли португальцы, их главными вдохновителями были инфант Энрики, короли Жуан и Афонсу V. Принц Энрики, прозванный за свои заслуги Генрихом Мореплавателем, хотел собрать сведения о более далеких частях Западного Океана, чтобы установить, нет ли за ним других островов или какого-нибудь материка. Год за годом посылал он своих отважных рыцарей в дальние походы. С божьей помощью капитан Гонсалу Велья Кабрал открывает Ястребиные или Азорские острова, Жил Эанниш огибает недоступный для многих мыс Бохадор, где Геракл установил когда-то предел для дальнейшего плавания, Финиш Фернандиш и Нуньо Триштан продвинулись еще дальше

на юг, в район Зеленого Мыса, а Диогу Гомеш совершает разведывательный поход по реке Гамбии.

Баронет много думал, размышлял. В Генуе он познакомился и сдружился с одним купцом по имени Лука де Кадзана, полным, сидящим человеком, страдающим одышкой. Он долго вертел в руках карту, составленную неким Бьянко и купленную Уондором по случаю, внимательно рассматривая ее с разных сторон, затем выдохнул:

- Значит судьба, Джон. Поезжай к моему брату Франческо в Севилью, будешь поверенным в моих делах. Недавно мой старый друг, португальский кормчий Висенти Диаш сообщил, что к востоку от Мадейры видел какую-то землю, поплывешь с ним.

Четыре раза ходил Уондор с Висенти в открытый океан, но так и не увидели они желанного острова. В Лиссабон баронет встретил Бартоломео Диаша и по рекомендации Висенти был взят на борт одного из трех кораблей, отправлявшихся в начале августа 1487 года в Индию.

Сколько раз Джон плавал в открытых водах, но океан не переставая его удивлять. О, седой, древний океан, сколько тысячелетий омываешь ты неисчислимыми водами своими прибрежный песок Черного континента! Вот где вольный дикий простор, вот где бескрайнее синее небо, вот, где год за годом, век за веком, с глухим рокотом накатывает приливная волна на берег и вновь уходит к самому твоему сердцу, что покоится в центре мировых вод, в несказанной, недостижимой глубине.

О, могучий повелитель четырех ветров, грозный океан, отец жестоких бурь и страшных смерчей, ты порождаешь боль и страх, ты ужасен в гневе своем, подобно Левиафану ты поднимаешься из мрачной бездны, чтобы уничтожить слабого, незащитного человека, укрывшегося в деревянной скорлупе. Если и суждено кому-то посмотреть бездне прямо в глаза, тот не оторвет своего взгляда уже никогда! Но ты, о великий океан, прародитель всего живого на Земле, ты даруешь жизнь, любовь и красоту в подлунном мире, целительным бальзамом вливаешь в наши души божественную гармонию. О, первозданный океан, подобно Уроборосу ты объемлешь весь круг земной, изливаешь и вливаешь воды свои в самого себя, ты беспределен и ты конечен, ты стелешься ровной гладью, но безумствуешь штормовым хаосом. О, как бы не разрушить твое морское созвучие, не разбудить дивный сад и спящих там девоптиц!

Океан очаровал Уондора, как, наверное, Сирены заворожили своим пением спутников Одиссея. Океанские волны убаюкали его сердце монотонно-пенящими переливами. Свежий ветерок зарумянил щеки, нежное бархатистое тело баронета впитало в себя утреннюю влагу, сердце рвалось в бескрайнюю даль, к горизонту бессмертия.

Он не изведal даже страха, когда передовой корабль «Сан-Криштован» пересекал воды мыса Бохадор. Матросы же испытывали неподдельный ужас, они перешептывались о том, что на мысе не может быть ни людей, ни поселений, ни деревьев, ни зеленой травы, и море здесь настолько мелкое и тинистое, что на одну милю от берега глубины не превосходят и одной сажени, а сильное течение выносит корабли далеко в океан, откуда уже никто из команды не вернется больше домой. Это и было, как раз, свернувшееся море, где живет ужасное морское животное – Левиафан, где стоят медные изваяния, якобы возвещающие конец достигаемого мира, где само время замерло в изнывающем, палящем зное. Но главный кормчий экспедиции Перу Д'Аленкер, прозванный «величайшим гвинейским кормчим», уверенно вел корабли к намеченной цели. Диаш, показывая рукой на берег, говорил сбившимся вокруг него испуганным матросам:

- Не верьте глупым басням!

И правда, они с удивлением смотрели на небольшую плоскую отмель из красноватого песка, которая уходила недалеко в море. Слабое течение уносило туда же зеленоватые

водоросли. Это и есть неприступный и страшный мыс Нон, предел плавания? Неужели, никто из тех, кто его огибал, не возвращался? Все чаще и чаще матросы задавались таким вопросом. Страх постепенно отступал, как уходил, медленно скрываясь за береговой линией, злополучный мыс. Удивительное дело! За ним опять зелень, деревья, в воздухе кружит головы аромат незнакомых цветов и трав. Непостижимы пути господни, если они проложены близ вод мыса Нон, ведь это дорога в Индию, в страну сказочных богатств. Путешествие было долгим и трудным. Корабли продвигались все дальше и дальше на юг. Мореходы открывали новые бухты и мысы, тут же давали им названия в честь святых, либо по другим отличительным признакам. В самых примечательных пунктах португальцы устанавливали падраны, чтобы как-то отметить это место, занести его на карту, и объявить, наконец, обнаруженную землю владением короля Жуана Инфанти.

А берег, извиваясь бесконечной змеей, уходил все на юг и на юг. Пустыни сменялись тенистыми влажными лесами, леса переходили в степи, с колышущимся на ветру разнотравьем, за ним тянулись каменистые пустынные плоскогорья с редким ветвистым кустарником. Флотилия Диаша прошла уже 450 лиг далее крайнего из дотоле известных пунктов, а Уондор все зорче и зорче всматривался в убегающий горизонт, пытаясь там, на границе воды и неба, узреть долгожданный остров. Нос европейского корабля впервые разрезал девственные, чистые, не тронутые человеком, голубоватые воды, казалось, даже рыбы высовывали разноцветные головы, чтобы полюбоваться на огромных, деревянных чудовищ, мирно плывущих в лазурной первозданной тишине и поприветствовать их от имени морской богини Фетиды.

Сколько еще тайн таит в себе океан, да раскроет ли он когда-нибудь свои посеидоновы секреты, кто знает? Что некая тайна обитает в океанских просторах, Джон был уверен; вот она взметнулась над водой белоснежным альбатросом и полетела куда-то вдаль, увлекая человеческую душу в загадочную синеву. Баронет вдруг стал осознавать, что только здесь, в этих нетронутых временем местах, мог зародиться из нежнейшего бутона цветок бессмертия, наподобие плывущих вместе с людьми редких, не виданных до селе, морских растений.

Словно могущественнейший маг, океан не собирался расставаться с природными секретами и, как бы заранее чужеземцев в свое царство, он припас для чужеземцев более действенное средство, чем магическое очарование сверкающей на солнце водной глади. Не успели корабли выйти из бухты Ангра-душ-Волташ, как попали в сильнейший шторм. Флотилию отбросило противными ветрами от берега, и 13 дней с зарифленными парусами они боролись и днем и ночью. В какой момент Уондору показалось, что он видит на западе землю, но наступившая мгла скрыла низкий, стремительно ускользящий берег, мелькнули приземистые, кряжистые деревья.

- Диаш! Диаш! Я вижу берег! – пытался перекричать вой ветра баронет. – Подними паруса, надо идти на запад!

Часть команды, благоволившая к ирландцу, обступила его с радостными криками, некоторые кинулись ставить паруса.

- Назад, именем короля, назад! – закричал Диаш, выхватывая клинок. – Живее рифить паруса, живее мерзавцы! Иначе все сдохнете здесь!

По каким-то, только ему известным признакам, опытный руководитель догадался, что шторм спадает и не стал рисковать. Его поддержал Перу д'Аленкер и капитан корабля Лейтан. Утром океан успокоился, волнение заметно уменьшилось и люди, наконец, смогли немного отдохнуть, прийти в себя после ужасающей бури. Остров как-будто канул навсегда в разверзшуюся, беснующуюся пучину. Уондор еще долго вглядывался в горизонт, но земля исчезла, как белое облако, растворившееся в небесной синеве.

Баронет умолял Диаша направить корабли на запад, но командор был неумолим. Ирландец готов был растерзать его собственными руками, мечта всей жизни упорхнула в одно мгновение, словно испуганная птица. Напрасно Джон уговаривал и кормчего, и капитана, и Диаша изменить курс, напрасно расписывал им, сколько золота, драгоценных камней можно будет собрать там прямо на берегу, и, самое главное, каждому матросу хватило бы чародейных яблок, чтобы вкусить однажды неувядающе-нежное, благоуханное бессмертие. Ирландца знали на кораблях, как помешанного на идее долголетия, все относились к нему в большей степени снисходительно, обращались с ним достаточно вежливо, даже трепетно, считая Уондора не то каким-то талисманом, не то просто корабельным чудаком, хотя большинство матросов втайне мечтали о вожделенном магистерии. Какая-то часть команды всегда была на стороне баронета и при первой возможности могла защитить его с помощью оружия. Диаш хорошо знал это и устало улыбнувшись, сказал:

- Успокойся Уондор, на обратном пути мы обязательно отыщем твой остров.

Бартоломео развернул флотилию на восток, думая, что берег имеет продолжение дальше, с севера на юг, но ошибся. Они плыли уже многие дни, но суши все не было. Тревога постепенно переросла в радостное волнение, впервые человек огибает Африку с юга, где должны сливаться воедино два великих океана: Атлантический и Южный.

Диаш с каждым днем становился все более хмурым, он не мог понять, как они смогли проскочить злополучный мыс, самый южный мыс, описанный и показанный на многих географических картах. 3 февраля 1488 года корабли бросили якорь в удобной бухте. Опытный фидалгу хотел плыть дальше на восток, но флотилия столкнулась с мощным встречным течением и сильными ветрами. В это время поднялся всеобщий ропот, матросы требовали прекращения плавания. Уондор был на стороне команды, он не забыл, как Диаш не послушался его и не направил свои корабли к западу, к вожделенному острову. Сейчас Джон ликовал, он сможет отыскать Геспериово Убежище, совместное совещание начальника экспедиции с капитанами и офицерами все равно решит в его пользу, в пользу бессмертия.

Корабли медленно разворачивались на юго-запад. Блаженный, желанный, таинственный Запад, окрашенный в цвета Заката, в цвета молодильных яблок! Баронет уже чувствовал их сладкий привкус, представлял, как золотистый сок стекает в алкающие уста, как пьяное дионисийское безумство вливается в разгоряченные вены, выталкивая из них смертную человеческую жидкость. Но все же, краем глаза, ирландец вдруг увидел серое лицо Диаша, оно было словно вырезано из камня. «Сан-Криштован» отходил от падрана, установленного на острове залива Алгоа. Фидалгу простился с ним, как с родным сыном, «обреченным на вечное изгнание». Он понимал, что не смог достичь высокой цели, поставленной перед его командой португальским королем – сказочной Индии. Очнувшись от дьявольского наваждения, Уондор решил, что подарит остров Гесперид Диашу, пусть для великого руководителя эта земля. Станет землей Индией, святой и недоступной многим первооткрывателям, пределом дерзких мечтаний.

Фвдалгу внезапно наклонился к Уондору и с дрожью в голосе проговорил:

- Клянусь всеми дьяволами, Уондор, если я не обогну этот проклятый мыс, то буду плавать до тех пор, пока со мной не случится то, что «будет угодно богу». Слышите все! – вдруг закричал он, обращаясь к команде, – клянусь всеми дьяволами на земле, я заставлю его покориться мне! Слышите, я заставлю покориться, если даже и буду плавать вечно!

Матросы в ужасе замерли, осеняя себя крестным знаменем. Уондор чувствовал, как сильно бьется его сердце, он, как дикое необузданное животное чуял, что должно вскоре совершиться нечто такое, о чем баронет и не мог даже предполагать. Только через полгода Диаш увидел, наконец, в туманной дымке легендарный мыс, мыс, разделяющий

два мира, острый каменный коготь, внезапно выскочивший перед кораблями из гигантского материкового тела и пытавшийся подцепить «Сан-Криштован». Для такого открытия понадобилось целых шесть нескончаемо-длинных и тяжелых месяцев! Нечеловеческий, титанический подвиг, полный горьких разочарований, рухнувших надежд, утраченных иллюзий, отчаянье и скорбь души, всколыхнувшие из самого сердца черный гнев, растекшийся в пенных водах коварного мыса, кроваво-закатное зарево перед первыми людьми, увидевшие самое величавое, прекрасное и грозное порождение Геи-Земли!

Диаш и Уоидор стояли на палубе и смотрели на мыс. В душе командора все клокотало и кипело.

- Это ты, чертов мыс, остановил меня, – закричал он, – ты заплатишь мне сполна, нарекаю тебя мысом Бурь! Ты будешь вечно стоять в одиночестве, и никто из мореходов никогда не зайдет в твои колдовские воды! Кабо Торментозо, я проклинаю тебя, проклинаю!

Уоидору в какое-то мгновение показалось, что последний луч солнца высветил на вздымающемся над океаном утесе зловещий каменный лик гиганта, сотворенного Геей и Ураном. Он в злобной усмешке скривил губы, показывая почерневшие, вывалившиеся зубы и глухо произнес:

- Проклятье!

Диаш содрогнулся всем телом, пристально посмотрел еще раз на уходящую землю и стремительно направился к каюте.

- Укажи путь к Гесперидам, Кабо Торментозо! – крикнул баронет в отчаянье великану.
– Насыть меня бессмертной влагой!

И будто эхо раздалось в ответ, только слабее и тише:

- Проклятье!

В 1489 году флотилия Бартоломео Диаша вернулась в Лиссабон. Тем временем, сошедшие на берег матросы передавали из уст в уста правду о великом плавании. Они со страхом рассказывали о своем несчастном путешествии. Будто не допустил Диаш Господь до сказочных берегов Индии из-за его гордости и надменности, из-за того, что бросил командор проклятье утесу – великану, самому сыну Земли. Будто за свою дерзость и страшную клятву был проклят фидалгу богом и обречен стать вечным рабом Кабо Торментозо. И когда сошел Бартоломео в свою каюту, все будто видели, как злобно ощерился ужасный лик самого Южного Великана, как в гнев сверкнули глаза-зарницы, как широко открылся беззубый рот-зев глубочайшей из пещер, как испустил он оттуда то ли звериное рычание, то ли подземное клокотанье разгоряченных недр, и тут же вой, порывы ветра усилились многократно, стали терзать тогда они корабли и людей, рвать и путать снасти, а некоторые утверждали, даже клялись на распятье, что гигант хотел оторвать приросшее тело от неподвижной земли и кинуться вдогонку за своим оскорбителем, будто бы он уже и приподнялся, расправил кручи-плечи, взмахнул бородой, сплошь заросшей густым лесом, оперся руками-уступами в самый берег, будто бы даже сдвинулся мыс с мертвой точки, будто бы разом плюхнулся с ужасающим шумом и грохотом в воду, поднимая большую приливную волну, что едва не разбила в щепы о прибрежные скалы головной корабль, а затем и вовсе, будто бы погнался за уходящей флотилией, и только мастерство главного кормчего спасло людей от погони и неминуемой гибели.

В разлились, поплыли от порта к порту зловещие слухи о том, что Диаш проклят богом, и обречен из-за этого вечно плавать у Кабо Торментозо.

А Уондор ничего этого не замечал. Он закрылся в своем поместье и проводил целые дни в изучении семейного архива и библиотеки. Время шло, нет, оно не шло, оно летело белоснежной птицей к закату горизонту. Но ни алхимические, ни астрологические, ни каббалистические изыскания не давали пока положительного результата, но он не терял призрачной надежды. На закате Джон выходил на берег моря, подолгу смотрел в ту сторону, куда садилось светило. Багровый Запад притягивал словно магнитом, манил Блаженными Островами.

До поместья доходили смутные слухи о вновь открытых землях на Западе. Ему рассказывали удивительные вещи. Будто открытие Колумбом Индии это ошибка, и правда, из первой экспедиции он привез испанскому королю несколько крупинок золота, яркие диковинные перья и несколько краснокожих индейцев, которые разговаривали на неизвестном языке. И разве это Индия, сказочная и богатая, где драгоценные камни рассыпаны в глубоких ущельях, а золото перемешано с речным песком? В августе 1499 года из величайшего похода вернулся Васко да Гама. 26 месяцев он был в пути! Наконец впервые европейский человек нашел морскую дорогу в Индию. Экспедиция Диаша дала Португалии «добрую надежду», плавание Васко да Гамы превратило «добрую надежду» в «добрую уверенность». Но рабы и золото не делают человека бессмертным, они делают его смертным и грешным. К сожалению, ни Колумб, ни Васко да Гама так и не открыли Гесперидовых Островов, где в воздухе разлито благоухание, где хочется заснуть успокаивающим сном долголетия.

Диаш вновь готовился в поход, но теперь уже не командором, а как один из участников экспедиции под руководством Кабрала. Бартоломео на этот раз взял Уондора с собой, кто знает, может быть, он тоже хотел надкусить заветное яблоко.

Весной 1500 года флотилия из 13 кораблей вышла в открытое море. Это была вовсе не разведывательная экспедиция. Команда из полутысячи человек, хорошо организованная, вооруженная, отправилась завоевывать богатую страну Индию, чтобы там надолго обосноваться, а по возможности подавить сопротивление инородцев, утвердить португальское владычество и установить прочные торговые связи.

С самого начала армаду преследовали несчастья. 23 марта одно из судов исчезло, буквально растворяясь в воздухе, несмотря на ясную погоду. У баронета сжалось сердце в предчувствии чего-то трагического, необъяснимого. Говорили, Нептун требует жертв. От берега Сьерра-Леоне капитан-моря Алвариш Кабрал взял курс на юг вместо того, чтобы идти все время на юг, придерживаясь берега Африки. Таким круглым путем шел Васко да Гама в Индию, это давало то преимущество, что он пользовался наиболее благоприятными ветрами и течениями.

Джон стоял на палубе и смотрел в небо. Вот буревестник, взмахнув крылами, устремился на запад. Вдруг сладкое томление разлилось в груди. Тихо плывущие водоросли спутались с неизвестной длинной травой, к вечеру стали попадаться сломанные сучья деревьев, набухшие куски коры. На рассвете 22 апреля баронет увидел землю, вначале высокую круглую гору, потом на юг от нее – гряду холмов и долину, покрытую высокими деревьями. Адмирал Кабрал назвал гору Пасхальной, а землю – Землей Истинного Креста.

Только на утро следующего дня флотилия бросила якоря в устье большой реки. Впервые Уондор увидел идущих по песчаной отмели нескольких людей, совершенно обнаженных. Их кожа была темно-коричневой с красноватым оттенком. Многие из них вооружены луками со стрелами. Баронет стал живо объяснять Диашу, что это и есть Нетронутый Эдем, Земной Рай, где люди не знают греха, они бесхитростны, приветливы и доброжелательны. Может быть, это один из Гесперидовых Островов, только необходимо найти нужное дерево, где висят золотистые яблоки, дающие бессмертный сок.

Адмирал, зная слабость Уондора, послал его, переводчика-мавра Монсайди и еще одного моряка в деревню, чтобы провести там целый день. Как ни старался бедный Монсайди, но он не мог объяснить детям Эдема, что же это такое – бессмертие? Под вечер все вернулись. Хозяева новооткрытой земли не захотели, чтобы чужеземцы дольше оставались с ними. Посланцы принесли с собой, выменяв на безделушки, несколько больших красивых попугаев, головные уборы из зеленых перьев и разноцветную ткань из перьев.

Уондор сидел на песке, разглядывая береговую, пологую полосу прибоя. Лесные дебри сплошной стеной тянулись с севера на юг, подступая к самой кромке океана, ему казалось, что лесные и морские боги сошлись здесь раз и навсегда в смертельной битве, но ни один, ни другой не могли вступить в ожесточенный бой, умиротворенные здешней матерью-природой. Сердце подсказывало, что это не остров Гесперид. Когда флотилия взяла курс на юго-восток, они долго шли вдоль незнакомого берега. Неведомая земля показалась вдруг ему огромным и таинственным континентом, который еще предстояло открыть заново.

Через несколько дней случилось так, что капитан на «Морском цветке» тяжело заболел лихорадкой и умер. По совету Диаша адмирал назначил на эту должность Уондора, который отлично разбирался в астрологии, умело пользовался таблицами склонений и траверсов.

В ночь на 12 мая суеверные матросы увидели комету. Офицер, задрвав голову, хриплым голосом произнес:

- Дурное предзнаменование, капитан!

- Все будет хорошо, Гонсалу, вот увидишь.

Как и есть, офицер напроорочил. 24 мая в воздухе показалось черное облако, называемое гвинейскими моряками «булгао». Это предвещало грозу. Оно медленно, но неуклонно двигалось с юго-востока, откуда двенадцать дней назад вынырнула из небесной черной глубины комета – порождение дьявола. Только сейчас Уондор понял, что мыс Бурь бросает Диашу сатанинский вызов, предлагая последнему сразиться не на жизнь, а на смерть в его помутневших от ярости волн. Где баронет уже слышал этот вдох, будто исходящий из мрачного зева пещеры? Внезапно ветер стих, «как будто бы черное облако целиком втянуло его в себя... чтобы извергнуть его с еще большим бешенством». Мрак накрыл корабли плотной непроницаемой тканью животного страха. Ничего нельзя было рассмотреть даже на расстоянии вытянутой руки. Разом погасли масляные фонари, а факелы тут же задувало яростными порывами ветра. Раскаты грома грохотали, как пушечные залпы, заглушая крики команд, с неба на людей обрушились потоки воды, ливень шел сплошной стеной, никто не мог разобрать, где небо, где воздух, где море, все эти, когда-то еще недавно резко различаемые глазом, осязаемые субстанции слились вдруг в единое целое, состоящее только из водяной, бьющей, хлеставшей, разъяренной массы. Матросы задыхались, захлебывались в стегающем морском смерче, он сбивал с ног, сметал несчастных двуногих в бушующий океан, чтобы там растворить их, превратив в сине-зеленые водоросли. В это мгновение непроглядно-мглистое небо взорвалось ослепительной вспышкой и с грохотом расколосось пополам. Огненная змея-молния ударила сверху, и своей светящейся пастью разрежала корабль Диаша надвое. Судьба, ах, судьба, что за странная непредсказуемая женщина-богиня, на этот раз она распорядилась по-своему. Уондор и Диаш оказались на разных кораблях, баронет еще не знал и не мог даже предполагать, какой разной будет плата за брошенное великим мореходом проклятье!

- Диаш! Диаш! – кричал как безумный Уондор. – Диаш! О, Господи, нет!

Джон увидел, как каравелла вспыхнула огромным малиновым факелом. Он вцепился в борт и уже готов был прыгнуть прямо в беснующееся море, но матросы успели схватить баронета за одежду и повалить на палубу.

- Диаш! Диаш! Слышишь, чудовище, вот, я здесь, возьми меня вместо него, обрушь на меня свой удар! Что же ты медлишь, каменная глыба, где же твое сердце!

Когда Уондор поднялся, догорающий остов судна был уже далеко. И слезы текли, как вода, и вода была горька, как слеза! «Тела человеческие стали пищей рыб тех вод, первой такой пищей, ибо эти люди были первыми мореходами в этих неведомых водах».

Только к полудню следующего дня буря стихла. Измученный ночным кошмаром, баронет смотрел на простирающуюся гладь океана, ни земли, ни кораблей Кабрала, ни обломка в этой беспредельно-пустынной области, ни одного спасшегося человека с каравеллы Диаша. Он остался с уцелевшей командой один на один с морем, таким обширным, но таким чужим и враждебным, что у него защемило сердце. Джон оглядел палубу. Измотанные коварной стихией, люди лежали тут же, недвижно распластавшись, как малые дети. Кое-как расшевелив моряков, Уондор взял курс на северо-восток, пытаясь достичь Африканского побережья, чтобы там подлатать потрепанный корабль и найти, наконец, разметающую бурей, флотилию Кабрала. Утром новоиспеченный капитан высмотрел в колеблющемся горизонте полоску земли, но сильнейшими ветрами судно снесло далеко на северо-запад. В отчаянии он изменил направление на юго-восток, но ни через день, ни через два и даже ни через неделю берег не показывался. Целый материк будто поглотила морская пучина. Противные ветры гнали «Морской цветок» на запад. Провиант заканчивался, таял с каждым днем. Люди пили протухшую теплую воду. Земля, как заговоренная, все не появлялась. Вокруг плескались бесстрастные бесконечные волны. Моряки вспомнили о проклятье Диаша, которое он в силу своей горячечной заносчивости, непомерной гордости вызывающе бросил каменному исполину, и тот отплатил ему тем же страшным проклятьем, сбывшимся уже на их глазах. Кто-то пытался обвинить Уондора во всех смертных грехах, кто-то решил бунтовать, но вдруг опомнились, что выступать на одиноком суденышке не имеет никакого смысла, когда Кабрал, Диаш и вся флотилия, наверное, давно уже кормят рыб на дне ненасытного океана. Одни, правда, заметили, что только благодаря баронету они остались в живых, другие вспомнили, что он единственный на каравелле, кто разбирается в инструментах и картах, совершенно не подозревая о том, что приборы разбиты, а портуланы превратились в сырую бумажную массу. Основной компас с Камнем-указателем смыт водой, а запасной исковеркан до неузнаваемости. Переговорив между собой, моряки полностью доверили корабль Уондору. Собрав всю волю, Джон стал отдавать нужные команды. Днем капитан ориентировался по Солнцу, ночью – нужный курс указывали звезды. С поврежденным такелажем корабль стал игрушкой волн, он попал в цепкие лапы Владыки Четырех Ветров. Но это было еще пол-беды. Кончились запасы пищи и воды. Силы оставили людей. Нижняя часть трюма, где обычно грузился балласт и сбрасывались всяческие отбросы, постепенно превращалась в зловонную помойную яму. Там же, в укромных уголках трюма, обезумевшие от жажды люди, находили противно пахнущую, застоявшуюся воду, которая давно обратилась в гниющую жижу и с какой-то ненасытной жадностью пили ее.

Поразительно, но страх пропал, он сменился тихим отчаянием, когда расплотившиеся крысы вырывали целые куски мяса у еще живых, бездвижных моряков. Люди просто лежали на палубе и смотрели в небо, где неслышно и печально плавали белые облака. В горячем, смертном бреду они хотели после неминуемого конца превратиться в таких же белоснежных странников, чтобы оттуда, с высокой синевы в последний раз обозреть беспредельный простор океана, и увидеть первыми долгожданную сказочную землю. Каравелла дрейфовала куда-то на север, и Уондор, приподнявшись из последних сил, посмотрел за борт. Картина, увиденная там, настолько потрясла его, он тут же обернулся к

матросам, пытаясь сказать им, но не смог. Джон не услышал своего голоса. Но каким-то внутренним слухом он распознал голос моря. Оно было безбрежным и изумрудным, покойным и нежным, как в первые дни творения.

Рыбы с невероятной беспечностью подплывали совсем близко к борту корабля, показывая разукрашенные во все цвета радуги свои спинки, тыкаясь открыто ртами в деревянную обшивку, затем плавно, бесшумно уходили в темно-нефритовую глубину. Даже водоросли образовали в воде на поверхности океана зеленый рисунок в виде причудливой монограммы, в которой, наверное, скрывалось нечто большее, чем простые узоры растительности. Дельфины, выскакивая из воды, игриво кивали смешными мордами, и с шумом плюхались опять в родное лоно. Вдали стая огромных китов, похожих на черные островки, испускали высоко вверх водяные струи, как бы отдавая салют незнакомым пришельцам, внезапно вторгшимся в заповедный край. Касатки, тюлени и какие-то крупные морские животные кружили вокруг каравеллы, завершая своеобразно-дивную океанскую феерию. Точным отображением морской была и воздушная феерия, когда буревестники и фрегаты очерчивали высоко в безоблачном небе гигантскую полукруглость, плавно взмахивая широкими крыльями, как бы приглашая за собой в чудесную страну грез. Среди водорослей плыли незнакомые баронету большие белые цветы с голубыми прожилками, похожие на египетские лотосы, но это были не лотосы. Крики чаек заставили Уондора очнуться от наплывшего наваждения. Внезапно один из альбатросов, свободно распустив крылья, снизился до уровня мачты, а затем медленно стал удаляться в сторону запада.

- Земля! Земля! – хрипло выкрикнул баронет, но обозреваемое вокруг морское пространство везде замыкалось в самое себя, нигде более не разрывая тонкую нить горизонта ни верхушкой горы, ни низким песчаным берегом.

Вспокоенные матросы напряженно всматривались вдаль, но ничего, кроме волн и чаек они не увидели. Но такие значительные перемены в природе не шли ни в какое сравнение с изменением в человеческом организме. Сначала Уондор с удивлением, затем с изумлением, а немного позднее, даже со страхом наблюдал за своей командой. Еще вчера она валялась на палубе в беспомощном состоянии, а сегодня радостно и возбужденно говорит, отчаянно жестикулирует и даже смеется. Только сейчас баронет почувствовал в себе необъяснимую легкость во всем теле, ушли куда-то голод и жажда, как будто в организм влилась невидимая живительная энергия. Он вдохнул полной грудью тонкий, пьянящий аромат плавающих цветов. С каждой минутой, с каждым часом тело наполнялось неизъяснимой силой, горячая кровь ударила в виски, рождая в голове ясность ума и четкость мысли.

- Рядом земля! – раздалась радостные возгласы.

- Где-то берег! Мы опять у мыса Бурь! Хвала Господу! Хвала Господу! Мы скоро увидим землю!

- Слава Уондору, это он привел нас к Африке!

- Мы спасены! Мы спасены!

Матросы еще не отдавали себе отчета о произошедшем физиологическом изменении у них в организме и радовались, как дети. Но Уондор знал, что на корабле нет ни крошки еды, ни капли питьевой воды вот уже несколько дней, люди пьют свою кровь из изрезанных вен, а его подопечные словно опьянели от надежды. Но прошел день, второй, за ним третий, но Африканский континент не показывался. Баронет запаниковал. Как он сможет объяснить невежественным матросам, почему они не умирают от жажды и голода, почему не просят самой обычной земной воды, почему не убивают и не разрывают друг друга, как хищные звери, чтобы насытить свою плоть плотью чужого, ненавистного еще

вчера собрата. В самое страшное для него мгновение Уондора обожгло вдруг нестерпимым светом истины.

Наконец он, смертный из смертных, прикоснулся к самой сокровенной тайне человечества, тайне вечной жизни. Нет никаких островов Гесперийских, нет молодильных яблок, не существует в природе чудодейственный эликсир. Оскверненные грубой земной материей, ни гесперидовы яблоки, ни труднодоступные ингредиенты не смогли бы дать ему и капли философической панацеи. Уондор понял, что младенческая эфирная сущность бессмертия, сотканная из океанских брызг и ветра, из небесной лазури и чистого хрустального воздуха, из насыщенного аромата невиданных ранее цветов, может родиться только здесь, в удалении от земных берегов, в первозданной тишине и покое, в сокровенном месте, облюбованном создателем, тщательно им скрываемом от людей. Именно на такое место снизошло Его святое благословение, именно здесь оно покоилось изначально, не потревоженное никем. Только воля Создателя или роковое стечение поразительных обстоятельств могли забросить сюда людей, подверженных греховным помыслам и страстям. Но в благом месте нет места человеческим порокам, ибо твоя душа полностью растворяется в бессмертном духе, становится вечно юной, не зная более мерзостей земной жизни. Здесь властвовали две божественные стихии: вода и воздух. Взаимопроникая, сливаясь вместе, они создали то, что было вначале отрешено от земного, пагубного воздействия. Эфиро-бессмертная субстанция пропитала команду и корабль молодильным нектаром юности. Словно божьей росой умылись первые земные люди открытого им рая. В тот день, когда на Уондора снизошло озарение, он сделал первую зарубку на мачте.

Пролетели дни, месяцы, годы. Сколько раз они видели долгожданную землю, но всякий раз, то ли буря, то ли противный ветер, то ли коварное течение, то ли некое колдовское заклятие всегда уносили каравеллу вновь в открытый океан. Сколько раз матросы наблюдали спасительный незнакомый корабль, но как только Уондор приближался к нему, люди там в панике поднимали паруса, с белыми от ужаса лицами отворачивались от несчастной команды и неистово крестясь, исчезали за горизонтом. Затяжная пытка бессмертием оказалась намного изощреннее, чем пытка голодом или жаждой. Люди изменились до неузнаваемости. Ранее сыпавшие угрозами и проклятиями в адрес Уондора, матросы теперь стали совершенно равнодушны, безучастны не только к судьбе кормчего, но и к своей собственной. Пересказав все истории, сплетни, которые они знали когда-то давно, перессорившись и помирившись много раз между собой, члены команды, распластавшись на палубе, отрешенно смотрели на небо, или уставившись в воду, отсутствующим взором наблюдали за бесконечно-убегающими волнами, бьющими о борт, за бесчисленными стайками рыб, проплывающими мимо, чтобы потом, на следующий день, заняться опять таким же однообразным, бесполезным делом. Джон уподобился такому же состоянию и походил, скорее всего, на сомнамбулу, только полную жизни и здоровья. Он давно забросил самообразование, так как перечитав все книги в судовой библиотеке по несколько раз, совершенно не понимая уже смысла прочитанного.

Когда-то сладостные воспоминания о поиске островов бессмертия слились в единую, серую, невыразительную картину прошлого и настоящего, от которых остались лишь незначительные, бесцветные фрагменты. Но страшнее всего были сны, они попросту изменились. Вместо зданий, площадей, домов и церквей, кораблей и портов,

вместо узнаваемых близких лиц, теперь стали сниться море и небо, небо и море, день и ночь, ночь и день, солнце и луна, и звезды, меняющие свое положение на чужом небосклоне, но затем вновь возвращающиеся на прежние места вослед за блуждающим

кораблем. Страх парализовал все тело, въедался в мозг, стал подтачивать его изнутри, как червь изгрызает сочное яблоко, постепенно вылезая наружу и показывая мерзкое, осклизкое тело. Постепенно страх опять сменился тихим нервным отчаянием, граничащим с равнодушным безумием или безумным равнодушием, кто определял когда-нибудь вот такое пограничное состояние человеческого организма, кто проникал в такое вот сознание человека, зараженного болезнетворными микробами бессмертия, кто искал от такой вечной болезни целительного лекарства и находил ли его, кто знает, кто ответит? И все же, будничное, повседневное, тоскливо-невыразимое, однообразно-томительное, невыносимо-длящееся безумие тлело в глазах матросов, навсегда застывшее в зрачках, оно подтачивало силы духовные, не убавляя физических. Исподволь разрывалась связующая нить между прошлым и настоящим, когда понятия «было» и «будет» уходили в небытие, а оставалось только проклятое «есть».

Люди совершенно не замечали, вернее, забыли Уондора. Он стал одним из них, он стал тенью в настоящем, без прошлого и будущего. Джон отчаянно цеплялся за мозаично-цветные кусочки прошлых воспоминаний, всплывавших в его памяти, как ярко разукрашенные рыбки. Попугай Энки безучастно смотрел в пустынное море и осипшим голосом выкрикивал:

- Кабо Торментозо! Проклятье! Кабо Торментозо! Проклятье!

- Господи! – зывал тогда Уондор. – Что есть этот день, где я в этом дне, ответь мне, Господи!

Когда безумие безвременья еще не подступило к нему, баронет нашел в себе силы написать записку с отчаянной просьбой спасти его и команду от мучительного одиночества и небесного забвения. Джон вложил послание в зеленую бутылку и бросил ее в море.

Память продолжала удерживать какие-то обрывки прошлого. Железная воля, выработанная с годами при поиске эликсира, спасла его, она вдруг стала работать в том же направлении, с той же силой и мощью, что и много лет назад. Только теперь волевое усилие сосредоточилось на прямо противоположном. Уондор должен был отыскать лекарство от бессмертия.

Если Создатель даровал им мучительное долголетие, значит, только он сможет вывести команду баронета из вечного океанского кружения. Подобно Еноху и Илии Уондор ждал своей эсхатологической развязки, чтобы вновь вернуться в круг человеческой жизни.

- Спаситель, уповаю на твое прощение и твою милость, возьми обратно свой нечаянный дар, пусть он всегда принадлежит бессмертным богам, но не человеку. Тяжек и страшен такой подарок для меня, нет сил держать его в своей душе, милосердия прошу, Господи, милосердия и спасения в земной юдоли!

Джон стоял на палубе и смотрел в бездонное небо. Он ничего не замечал в это мгновение, ни сильного порывистого ветра, ни налетевшего шквала, ни нахмурившегося небосклона, ни удара грозы. Уондор молился горячо и страстно, как ни молился еще никогда, и слезы очищения, божьей благодати текли по лицу. К нему кинулись люди, стали что-то кричать, хватать за руки, затем с некоторым усилием развернули баронета и с ужасом показали на мачты. На их верхушках бегал живой огонь, виденный ими и раньше, но всегда вызывающий чувство страха.

- Это Знак, это Знак Спасителя нашего, – воскликнул, как безумный Уондор. – Он указывает нам путь к спасению! Это благодатный, очищающий огонь, в нем сгорят ваши греховные помыслы, молитесь, молитесь!

Он возжег огонь у изображения Спасителя, еженощно, но каждодневно поддерживая слабое, незащитное пока пламя надежды, оберегая его от шквального ветра и затяжных

дождей. И маленькое чудо свершилось – огонь не гас ни в бури, ни в штормы, будто выпитал он в себя бессмертную энергию Солнца. Когда закончился запас свечей, кормчий колот на лучины подручный материал, – все то, что могло гореть или тлеть. Матросы, видя, с каким рвением и усердием Уондор молится, постепенно присоединились к нему. Они слетались, как беззащитные мотыльки, привлеченные светом лампы. Огонь, зажженный ирландцем, стал для команды символом святилища, в котором – капитан ежедневно совершал таинственный обряд. Свет завораживал, притягивал огненной сущностью. Понемногу молитва вернула людей к полноценной жизни, целыми днями велось обсуждение каждой строчки Библии, комментируя ее в меру своей религиозной образованности. Матросы опять познали простую человеческую радость общения друг с другом, они называли себя братьями, целовались, обнимались, всячески поддерживая упавшего духом товарища, плакал, читая псалмы, ночью же вели тихие беседы при свете звезд и неугасимой лучины. Оттаивала душа от вечно-холодного льда бессмертия, теплело сердце, отогреваясь любовью к ближнему, к Господу, но бесконечность существования каждого из них все еще держала людей в постоянном страхе.

Тем временем, запасы горючих материалов на корабле заканчивались. В огонь шло все, что попадало под руки. В матросах торжествовало неистовое религиозное чувство, близкое к помешательству, – чтобы спастись от неожиданно обретенной вечной жизни, необходимо было строго соблюдать определенный ритуал, установленный неизвестно кем почти три века назад. Это сохранение Неугасимой Лучины. Все верили, что немеркнущий свет выведет их из тьмы бессмертия на земной берег. Чтобы насытить всепожирающее пламя бедняги уничтожили деревянные перегородки кают, трюма, надпалубных построек, затем они перешли к мачтам, парусине, одежде, пока корабль не предстал в весьма странном виде: плывущая каравелла без мачт, с пустой палубой, с единственно целой каютой, где постоянно поддерживался огонь, с совершенно обнаженными, черными от загара, людьми, слоняющимися, как призраки. Теперь понятен был ужас команд судов, повстречавших старинную каравеллу в открытом океане: корабль мертвецов, выплывший из ада, предвещающий гибель всякому живому существу, увидевшего их! Напрасно Уондор размахивал Библией, единственной уцелевшей книгой, пытаясь привлечь внимание пассажиров и членов команды, но те принимали его за Харона с обломком весла, скачущего с безумным видом среди таких же сумасшедших и неистовых теней, может быть, это Бартоломео Диаш, дерзнувший обогнуть мыс Бурь и канувший там бесследно?

Баронет всего этого не знал, он отстоял от мирской жизни и суеты также далеко, как небо отдалено от моря. Молитвами Джон приближал тот день, когда вновь сможет вернуться в такой знакомый круговорот, где рождаются, живут и умирают, где есть счастье, любовь, семья, родной дом, дети, где существуют понятия «было» и «будет», но где нет вечного «есть».

Но человек остается человеком, даже если он и обрел долгожданное бессмертие. В человеческой сущности испокон веков уживались и дьявол и ангел, постоянно враждующие между собой. В самых глубинах тайниках души всегда есть место мерзости, скрытого порока и греха. Понемногу религиозное рвение стало ослабевать. Опять наступило царство равнодушия, страха и безумия. Уондор и несколько его сторонников инстинктивно поддерживали Неугасимую Лучину. И днем и ночью они защищали священный огонь от второй половины команды. Доходило до кровавых стычек. Бессмертие поделило матросов на два противоположных лагеря. Но безрассудство и проблески разума, порой, часто смешивались, не признавая никаких границ, игнорируя всякие людские сообщества. Было рассудочное безумие Неугасимой Лучины, и было сумасбродное проклятие бессмертия. Долголетие вымучило, истерзало команду. До поры до времени безразличие людей уравнивало два вида безумства. Уондор не предполагал, какая из двух чаш перевесит и станет главной в его судьбе.

В один из вялотекущих, размытых в пространстве и во времени дней, он увидел то место, где зарождалось бессмертие. Ирландец окинул взглядом водный Эдем и не узнал его. Это был тот же Эдем, но теперь какое-то смутное беспокойство, разливалось над бездонным затопленным лугом, морские животные находились в смятении, рыбы беспорядочно, суетливо тыкались тельцами о борт, стремясь быстрее уйти вглубь, дельфины плыли впереди корабля, тревожно озираясь, как бы приглашая идти за ними, даже неугомонные чайки своим криком встревожили людей.

- Смотрите туда! – раздался голос.

Баронет посмотрел вдаль. Впереди расстилалось огромное пространство, почти свободное от морских растений. Течение сносило корабль на внезапно появившуюся чистую гладь моря. Кое-где попадались водоросли и белые цветы, виденные капитаном раньше. Он вновь вдохнул странный неземной аромат бессмертия.

—Смотрите! Смотрите! – вновь послышались испуганные возгласы. В самом центре морской поляны вода вспенивалась, а с глубины на поверхность поднимались гигантские, воздушные пузыри. Большие концентрические круги разбегались по зеркальной глади.

- Боже! – только и смог проговорить Джон. – Это подводный вулкан, мы погибли!

- Здесь жилище Левиафана! – кричали испуганные матросы.

- Мы все погибнем по милости Уондора в этой огненной пасти!

- Схватить ирландца, убить ирландца!

- Принести его в жертву Левиафана!

Сторонники и противники Уондора столпились у борта, но всем нетерпелось посмотреть на вспучивание океана. Даже когда подул сильный западный ветер, матросы не обратили на него никакого внимания. Еще одно чудо заставило всех посмотреть вниз. Рядом с белыми цветами колыхались мелкие белоснежные комочки, казалось, они поднимаются вместе с воздушными пузырьками с океанского дна и тут же рассеиваются на значительном расстоянии.

- Семена дьявола! – противники баронета во главе с Гонсалу стали теснить его сторонников к единственно уцелевшей каюте, где мерцала Неугасимая Лучина.

- Смотрите! Смотрите же! – вдруг закричал Уондор. – Смотрите, там...страна!

Мельком он увидел часть подводного кратера, край огромной горы, будто бы поднявшейся из морской бездны. Солнечные лучи высветили на какое-то время остаток крепостной стены, обломки рухнувших зданий.

- Это жилище дьявола, логово Левиафана! – Гонсалу ударил баронета в лицо. – Он один виноват, что мы стали вечными странниками! Убить Уондора! Бросить ирландца в логовище морского демона! Разрушить нечестивое капище, погасить, потушить Неугасимую Лучину!

Завязалась драка. Могучий Гонсалу, раскидывая матросов, вбежал в каюту и схватил Лучину. Она не горела, но тлела, он кинулся к борту, но путь ему преградил Уондор. Вцепившись друг в друга, оба кубарем покатались по палубе. На какое-то мгновение Гонсалу прижал баронета к борту, пытаясь приподнять ирландца и скинуть в море, но увернувшись, Джон вытащил нож и ударил португальца в грудь. Не удержавшись, Гонсалу полетел вниз головой. В правой руке он намертво зажал Неугасимую Лучину.

Тем временем ветер усилился чрезвычайно. Набухшие, отяжеленные водой, грязно-серые тучи обволокли весь видимый горизонт. Страшная буря разразилась внезапно, огромные волны в мгновение ока обрушились на ветхий безмачтовый корабль. Уондор оглянулся назад. Сильный гул шел со дна океана, затем раздался мощный взрыв, и ярко-красное пламя взметнулось над потемневшей водой. Но каравелла была уже далеко. Люди распластались на палубе, забились в тесную каюту, затаились в трюме. Сколько на своем веку они повидали бурь и штормов, но всегда судно, не подвластное морской стихии, крепко держалось на воде и никогда не тонуло! Трепеща всем телом, команда ждала чуда.

Ветер ревел, выл тысячью голосов морских чудовищ. Так продолжалось день, два или три, Уондор не знал сколько, он со всеми дрожал в каюте под ударами хлеставшего ливня. Над океаном – сплошная серая завеса, все перемешалось в водяном хаосе, который сотрясался от громовых ударов. Черное небо озарялось слепящими вспышками змееподобных молний. Когда-то баронет видел такую же ужасающую бурю, но когда и где? Неожиданно оглушительный удар грома потряс океан до самого дна, где-то рядом из ощерившейся огненной пасти сверкнула прямая, как стрела, молния. Каравелла взмыла вверх на высочайшем гребне гигантской волны, где ее рассекла пополам карающая десница. Казалось, все обитатели морские услышали нечеловеческий вопль:

- Диаш! Диаш! Я иду...! И слезы текли, как вода, и – вода была горька, как слеза.

Уондор очнулся от того, что ему трудно дышать. Когда он открыл глаза, то увидел, что лежит на песчаном берегу. Песок забился в рот, нос, глаза. Отплеываясь, кормчий мучительно закашлялся, пытаясь сделать глубокий вдох. Баронет приподнялся на локтях и огляделся вокруг. Полуразвалившаяся церквушка прилепилась к темной скале. Истощенная изматывающим однообразием память, внезапно осияла ярким теплым светом. Вдали, на обрыве, высилось невзрачное серое здание, окруженное высокими деревьями.

Это было графство Уиклоу. Шел 1866 год.

4.

Я почему-то посмотрел на попугая. Он тоже бесцеремонно уставился на меня и грозно прокричал:

- Кабо Торментозо! Проклятье! Кабо Торментозо! Проклятье!

Эгип кашлянул, а у меня похолодело в груди. Первое, о чем я подумал, как бы слуга Эргимп не закрыл на ключ входную дверь и дверь в кабинете, иначе нам отсюда больше не выбраться. Я с ужасом взглянул на крепкие ставни, двойные рамы, узкие оконца-бойницы, из которых выпорхнет разве только Энки, но никак не я и не Эгип. Мы погибли! Этот старик, называвший себя Уондором, или свихнулся на почве чтения старых книг; был у меня такой знакомый библиофил, воображавший себя живущим в 18 веке, не допускающий никаких возражений относительно его местопребывания, и подчующий любого оппонента, не согласного с ним, увесистой колотушкой или еще хуже, он, этот старик, является каким-нибудь миллионером-маньяком, любителем страшных историй, вроде Франкенштейна, заманивающим вот таким необычным способом простаколюбителей, вроде нас, чтобы испробовать вкус нашей крови, а может быть, и поставить над нами очередной дьявольский эксперимент.

Стало жутко, я неуклюже попытался встать, но Эгип локтем усадил меня обратно в кресло. Я безропотно сел и приготовился к самому худшему. По крайней мере, я просто так им не сдамся. Старик слабо улыбнулся и сказал:

- Вы не верите мне. Но прежде чем, вы уйдете, я хотел бы попросить вас, господа, остаться до двенадцати часов ночи, и вы увидите то, о чем и не могли мечтать в жизни!

Как бы не так, конечно же, я не хочу торчать в этом странном убежище до полуночи, чтобы стать затем доверчивым, незащищенным объектом исследования для специалиста по черной магии. Но что-то, все-таки, меня здесь удерживало. Это, во-первых, доброжелательная, спокойная атмосфера, царившая в старинном кабинете. По-отцовски, добрый и печальный взгляд голубых глаз Уондора не мог оставить никого равнодушным, он излучал мудрость, твердую уверенность в своей правоте и какую-то младенческую безмятежность, разлитую в его лице. И, во-вторых, я был во власти самой мощной, сильной человеческой эмоции, заключавшейся в ощущении тайны и возможности ее разгадки.

Эгип и я остались сидеть в уютных, мягких креслах, замороженно всматриваясь в циферблат. Пробило полночь, скрытый механизм заиграл чудесную музыку, а часы вдруг сдвинулись с места и отъехали в сторону. За большим корпусом оказался вход в подземелье. Сойдя вниз, мы увидели хорошо оснащенную лабораторию. Вперемежку со старинными аппаратами на столах поблескивали новенькие приборы. В одной из реторт дымился реактив. Далее подземелье расширялось, превратившись в небольшую оранжерею с искусственным освещением.

- Господа, – заговорил Уондор, – там, в океане, бессмертие оказалось для меня слишком тяжелым грузом, чтобы держать его более трехсот лет на своих плечах. Господь удалил вашего покорного слугу из Эдема, как когда-то Адама, чтобы «не простер он руки своей, и не взял также от дерева жизни и не вкусил, и не стал жить вечно». Я один из немногих на земле отведал нектар молодости, но слишком горьким был он для меня. Всю жизнь я посвятил поискам заветного эликсира, и когда внезапно обрел его, то понял, что человеческий дух не готов к такому дару. Слишком велика цена амброзиальной субстанции, чтобы ею могли бесконечно долго дышать слабые, грешные, плотоядные люди. По сути дела, долголетие было таким же одиночеством, как и в моей прошлой жизни, когда я занимался поисками философского камня. Только бессмертие во сто крат увеличивает отчаянность, безысходность одиночества, и здесь, в родовом поместье, я нашел способ, как победить это проклятое чувство, заставить человека после длительных лет забвения вновь ощутить радость бытия, вновь почувствовать себя полноправным членом общества.

. Он немного помедлил, затем продолжил:

- Последние сто лет я посвятил поиску... эликсира вечной молодости и, кажется, нашел его!

Мы встали в изумлении, холодная, звенящая тишина замерла в лаборатории. Чуть слышно потрескивал огонь в атаноре, алхимической печи.

- После многолетних размышлений и исследований, – торжественно и гордо произнес баронет Уондор, – я пришел к выводу, что в земных условиях нельзя приготовить заветное снадобье, но кое-какие ингредиенты сделать можно. Для этого нужна специальная почва и определенный искусственный микроклимат для воссоздания цветка бессмертия. Я твердо убежден, что виденные нами белые цветы в Саргассовом море, обладали единственным в своем роде и удивительным свойством – их аромат вызывал необратимые физиологические изменения не только в организме человека, но и в неодушевленных вещах. Скорее всего, превращение происходит на молекулярном уровне. Многие мифы мира говорят о том, что такой цветок растет на дне моря, на острове или просто в воде. Китайцы верили в страну Гушего, она находилась на острове небожителей – Легушэ, что недалеко от острова бессмертных – Пенлая. Страну Гушего населяли бессмертные, которые не питались злаками, а только вдыхали свежий ветер и пили росу.

Гильгамеш опускается на дно моря, где растет цветок. Понсе де Леон в 1513 году, уже после похода Кабрала и Диаша, отправился к Багамским островам, где по преданию был расположен остров Бимини с источником, возвращающим вечную молодость. Такие цветы росли раньше на Атлантиде, в Саргассовом море я видел ее останки. По моим расчетам цветок бессмертия цветет один раз в несколько тысяч лет согласно тем же китайским источникам. Сколько раз мы были в Травяном море, почти 360 лет наш корабль избороздил все океаны на планете, но такое чудо я видел единственный раз в жизни, мне, почему-то, вспоминается одиноко стоящее «драконовое дерево» на острове Тенерифе, его возраст 6000 лет. Семя, упавшее в благодатную почву, когда только зарождались первые цивилизации на земле. В год, когда колесницы фараона Рамзеса II встретились в битве с войском царя хеттов Муваталлиса, дерево впервые зацвело. На нем раскрылись большие белые цветы, а через несколько часов они опали. Это вечный символ Великого Делания, чтобы сделать такое снадобье, нужно долгое время, несоразмерное с человеческой жизнью. Сомневаюсь, что подобный эндемик еще существует где-то. Как-то в Неаполе, в Национальном музее, я увидел роспись на апулийской вазе, она датирована IV веком до н. э. Одна из Гесперид держит в левой руке загадочный цветок, очень похожий на тот, что я встретил в Гнилом море. Он похож на лотос и, может быть, мой цветок был какой-то разновидностью семейства кувшинковых. Тогда будет понятен эпизод из «Одиссеи», где спутники царя Итаки попадают к мифическому народу лотофагам – «поедателям лотоса». Их встретили «дружелюбной лаской», угостили сладко-медвяным лотосом, отведав который путешественники забыли обо всем, о своем прошлом и родине. Я пытался вырастить такой цветок в моей оранжерее, но мне не хватает нескольких дорогостоящих ингредиентов, чтобы воссоздать древнюю почву Атлантиды-Геспериды. Я стар и немощен и не могу больше продолжать работу. В своем дневнике, день за днем, я записывал проведенные опыты, эксперименты, наблюдения, заносил мои мысли, доверяя только бумаге. Я ждал, я верил, что это случится однажды, и вот вы принесли мою же бутылку с запиской, написанной 300 лет назад. Круг замкнулся. Теперь я спокоен, я уверен, что мой труд был не напрасным, и я смогу передать вам свою тетрадь, берите, она наша. Свершилось то, что должно было свершиться, вы спасли меня от мрачного одиночества, теперь я знаю, кто закроет мне глаза на смертном одре.

Мы вновь вернулись в кабинет. Уондор слабел на глазах, мне показалось, что его белые волосы покрылись еще более ярким и блестящим серебром.

- Нужно ли человечеству бессмертие, кто знает, кто ответит? Но я уверен, что в новом тысячелетии оно неизбежно найдет дорогу к вечной молодости. В недалеком будущем одиночество исчезнет, люди объединятся между собой. У меня есть проект воссоединения того Эдема, откуда был изгнан первый человек на земле, но его осуществлять уже вам.

Он замолчал, потом еле слышно произнес:

- Даже если человек в своей рукотворной, блаженной стране и придет когда-нибудь к бессмертию, его душа не будет насыщена тем невыразимо-прекрасным, необъяснимо-скрытым образом всего сущего, что мы называем Богом. Наверное, должно пройти не триста лет, чтобы хоть немного наполнить Его Светом такую грустную человеческую душу, как мою. Это ведь так мало для Вечности это лишь единый миг, как сверкнувшая молния, там, в бушующем океане...

Старик закрыл глаза. Я украдкой поглядывал на него. Он тихо, почти неслышно дышал. Я даже не заметил, как он умер. Я еще жил надеждой. Но когда вдруг Энки слетел с кресла и плавно спланировал на часы, я понял, что баронет закончил свое земное существование, чтобы уйти от нас навсегда в небесное инобытие.

Мы похоронили его в старом семейном склепе Уондоров близ церквушки. Наконец, он обрел покой среди дикой вересковой пустоши, среди сиротливых печальных волн,

бьющих в низкий песчаный берег, бывших всегда символами одиночества и вечности, от которых баронет так и не смог уйти даже после своей физической смерти.

5.

Завещание, составленное баронетом Джоном Уондором, гласило, что поместье, включая старинный особняк, пристройки со всем содержимым имуществом переходит в руки тех лиц, которые смогут предоставить вышеуказанному баронету бутылку из темно-зеленого арабского стекла с запиской такого-то содержания. Ничего не оставалось делать, как вступить в законное наследование.

Я немедленно занялся своим любимым делом – начал разбирать старинную библиотеку Ундоров. Эгип уехал в Англию, чтобы там найти смышленного химика или ботаника, чтобы заняться дальнейшими опытами над эликсиром.

Я старательно перебираю книги, перекладывая их с одной полки на другую, или складываю стопками прямо на пол. С особой тщательностью, скрупулезностью составляю каталог замечательной библиотеки. Мне бы позавидовал сам аль-Мамун. Конечно, это собрание не сравнится по количеству с именитыми библиотеками, но по редкости, уникальности, отличной сохранности, пожалуй, не уступит им. Такие сокровища я находил разве только в каталогах Дорбона и Хаузера.

От поднявшейся ароматной книжной пыли кружится голова, сердце радостно замирает, когда я обнаруживаю следующий ценный манускрипт. Перед моими глазами мелькают имена знаменитых мореплавателей и полководцев, королей и принцев, богатых вельмож и ученых мужей, но кто помнит простых матросов и солдат, отважных первопроходцев, легших костями в океанских безднах или на полях сражений, чьи яркие индивидуальности растворились в общей безликой массе и не оставили, якобы, следа в истории. Но они открыли и создали новый мир, новое человеческое сообщество, в котором мы живем, не понимая и недооценивая их страдальческий подвиг. Может быть, они и не достигли личного бессмертия, но дали жизнь внеличному, всечеловеческому, всеземному. Как хочется верить, что и Уондор найдет свою вечную жизнь в этом книжном каталоге, кто знает?

Проходят дни. Эгип все не едет. Пошли затяжные дожди. Корабельные сосны шумят за окном, навевая уныние и скуку. Я закутываюсь в теплый плед, поддвигаю кресло поближе к пылающему камину и открываю дневник баронета. Вот несколько строчек об Энкеладе и Бриарее, описание тропической флоры Америки, какие-то замысловатые значки, рисунки, химические формулы и цифры, цифры, цифры. Господи, и всей жизни не хватит разобрать все это, воссоединить многие звенья в цепи Великой Работы. Я отбрасываю тетрадь в сторону, закрываю глаза. Не идет у меня из головы образ человека, склонившегося над столом и пишущего при свете свечи. Сколь горько одиночество даже среди людей, среди друзей, будто вкусил полынь-травы, перехватывает дыхание, скатывается то ли слеза, то ли капля горящего воска. Тоскливо, тяжело на душе, нет, наверное, в этом мире спасения от заразной болезни. Не вылечился от нее и баронет. Не успел он рассказать, каким образом хотел победить гнетущее одиночество с помощью эликсира.

Меня знобило, меня била нервная дрожь. Просто, думал я, простудился в этом мрачном и сыром здании, где все дышит ветхостью и запустением. Да, верно, меня знобило, меня била гадкая, неотвязная, нервическая дрожь. Я сейчас уже и не помню, как исписал какой-то листок, вложил его в зеленую бутылку и запечатал горячим сургучом. Накинув плащ, я выбежал из поместья и отправился к взморью. Темень была непроглядная, дождь

лил, как из ведра. Надвинув поглубже шляпу, спотыкаясь о камни, я кое-как добрался до побережья. Что-то темное, тяжелое и свинцовое шумело, грохотало передо мной, оно поднималось и опускалось с диким гулом, затем разбивалось о берег, вновь возвращалось в черный мрак, чтобы прийти к моим ногам опять, подцепить никчемное, жалкое создание, трепещущее и дрожащее от страха перед неизбежным. Я попытался замахнуться и как можно дальше бросить бутылку в море, но нахлынувшая волна внезапно сбила меня, ударила о камни, с молниеносной быстротой потащила в океан.

- Диаш! Диаш! – возопил я, обезумев от ужаса и боли.

Очнулся я уже в постели. Старый слуга Эргимп, потомок того Эргимпа, с тревогой в глазах смотрел на меня.

- Где я?

- Я испугался и вышел тотчас, пока вы спускались к морю. Я еле отыскал Вас там, среди камней.

- Бутылка, Эргимп, где бутылка? – трудом спросил я.

- Не беспокойтесь, она была у Вас в руках.

Я посмотрел на зеленую бутылку, и вдруг содрогнувшись всем своим существом, услышал пронзительный голос Энки:

- Кабо Торментозо! Проклятье! Кабо Торментозо! Проклятье!